

6. Баиева Н.А. Юридические гарантии российского социального государства: диссер. канд.полит.наук. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/yuridicheskie-garantii-rossiiskogo-sotsialnogo-gosudarstva> (дата обращения 25.09.2016)

7. Истомина Е.А., Кузнецов Д.С., Силкина Е.А., Шайхатдинов В.Ш. Систематизация законодательства о социальном обеспечении: зарубежный опыт // Вопросы управления, №2(19), 2012 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://vestnik.uara.ru/en/issue/2012/02/51/> (дата обращения 25.09.2016)

8. Концептуальные основы формирования социального государства в России: вопросы доходов населения и социального бюджетирования / [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://ulitskaya.viperson.ru/wind.php?ID=631470&soch=1> (дата обращения 25.09.2016)

9. Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России // Свободная мысль – XXI. №7, 2005. С.57-59

10. Роик В.Д. Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России / [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/VSF_NEW200701241412/VSF_NEW200701241412_p_006.htm (дата обращения 25.09.2016)

11. Федотова О.В. Опыт эффективной социальной защиты населения развитых зарубежных стран // Междунар. с.-х. журн. 2009. – № 5. – С. 21.

12. Якушев Л.П. Зарубежные кодексы социального обеспечения : возможные аналогии/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://pensionreform.ru/files/11254/zarubezhnye_kodeksy.pdf (дата обращения 25.09.2016)

УДК 340

ИННОВАЦИИ, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н. Пугачёв,

кандидат юридических наук, доцент

Формирующийся в эпоху позднего Средневековья новый европейский миропорядок был порожден множеством причин. Колоссальные изменения касались всех сторон жизни. Рост городского самосознания, упадок католической церкви и власти феодалов, возрождение античных идеалов, индивидуализация человека, бурное развитие торговли и промышленности на фоне начавшейся технической революции, европейская экспансия и Великие географические открытия, обретение новых четких политических и юридических форм, – все это и многое другое изменили облик Европы. Среди многообразия факторов самым весомыми полагают экономические, но и были и иные, без которых финансово-экономическая система никогда не обрела бы законченных форм.

Капитализм невозможно понять через привычные нам экономические показатели. Например, три «классических» элемента капитализма (те самые, которые выделял К. Маркс – частная собственность, рынки, накопление капитала) не позволяют отличить капитализм от меркантилизма и других традиционных сис-

тем экономики. Все дело в частной инициативе, определяемой мотивом получения прибыли, т.е. в специфическом экономическом поведении. Но для того, чтобы уловить действительную разницу между экономическими системами с традиционной концепцией частной собственности и капитализмом, обратим внимание и на другие вещи (инициативу с древних времен демонтировали многие землевладельцы и все торговцы). Речь идет об изобретательности и инновациях, науке и образовании.

Важнейший сдвиг, который отличает капитализм от всех предшествующих экономических систем, равно как и от социализма, есть его общественная организация на том принципе, что первейшим источником богатства являются, грубо говоря, мозги (разум) человека. Небольшое отступление из XXI века: «Если подсчитать все имущество «Майкрософта», то оно будет стоить только 6% от стоимости всей компании. Что же стоит остальные 94% денег? Мозги. Люди. Идеи. Билл Гейтс (человек без высшего образования – *А.П.*) говорил, что если его компанию покинут 20 человек, она перестанет существовать» [1, с. 44]. «Майкрософт» прекрасно иллюстрирует мощь интеллектуально-информационной экономики. Если в корпорации работает 20 тысяч человек, а ее рыночная стоимость примерно 500 миллиардов, то получается, что удельная стоимость компании составляет 25 миллионов долларов на одного работающего. Этот принцип и связанная с ним форма социальной организации переносит акцент деятельности, направленной на поиски богатства, с земли, золота и других материальных объектов на поиски общественно полезных идей, которые (коммерческий интерес!) могут быть запатентованы.

«Капиталистическая революция – это революция в сфере интеллекта, изменяющая мир повседневной деятельности, обесценивающая материальные вещи как простые объекты», – доказывает Майкл Новак [2, с. 447]. Именно благодаря этому изменению акцента возникают новые технологии. Капитализм – не только рынок, частная собственность и прибыль, но куда более разнообразная и сложная социальная реальность, включающая в себя политические, религиозные, моральные и психологические факторы.

Это помогает понять многое и в наши дни. Авторитарная власть под видом «сильного государства» откровенно показывает, что для нее население ресурсом не является, ресурсом являются, например, нефть и газ. Поэтому столь ущербны страны с т.н. «сырьевой экономикой». Обеспечив избыточное финансирование силовикам и штатным пропагандистам, крохи с барского стола от «нефтяного пирога» сбрасываются электорату незаработанными зарплатами и социальными пособиями: «Авторитаризм весьма способствует загниванию и коррупции. Особенно наш (т.е. российский – *А.П.*) [...] Властям проще кинуть электорату кость, чем скрупулёзно договариваться с обществом по тысяче вопросов. Мы вам, плебсу, кидаем подачки, а вы нам не мешаете спокойно управлять и делить нефтегазовые деньги. Подачки плебсу – это и есть социальная политика. Чем больше подачек – тем больше народная поддержка» [3, с. 530]. Однако любой мировой финансовый и сырьевой кризис – и вся конструкция примитивного государства трещит по швам, что в XVI, что в XXI веке. Социальный взрыв становится неминуем. Особенно заметно их отставание от передовых стран в сфере науки и образования, что явно обозначилось с наступлением Нового Времени.

Бурный рост экономики предполагает стремительное повышение образовательно-интеллектуального уровня социума (давать расписки, заключать сделки, вести бухгалтерию). В предшествующий период, как пишет Вернер Зомбарт [4, с. 23], несовершенство мышления, недостаток умственной энергии, недостаток духовной дисциплины встречаются у людей того времени не только в деревне, но и в городах, которые в течение долгих столетий являются разросшимися деревнями. Более того, аналогичное этому явление проявилось в хозяйственной сфере, где был очень слабо развит навык к числовому учету, к точному измерению величин, к правильному орудованию цифрами. Это объяснимо, ведь в докапиталистический период производили еще не меновые ценности, но исключительно потребительские блага, т.е. качественно различаемые вещи. Однако для такой умственной и волевой энергии требовалось иное информационное поле.

Индивиды получают доступ к самой разной информации, тем самым разрушается монополия феодалов и особенно церкви на ее владение. Уже к XIII в. городские школы решительно опередили монастырские, эти новые центры благодаря своим программам и методике, благодаря собственному набору преподавателей и учеников стали самостоятельными. Учеба и преподавание наук стали ремеслом, одним из многочисленных видов деятельности, которые были специализированы в городской жизни, «грамматика как самостоятельная наука окончательно сформировалась в XIII веке» [5, с. 151]. Книга из объекта почитания превратилась в инструмент познания, она «передавала накопленные человечеством знания, служа как бы общественной, коллективной памятью» [6, с. 29].

Если ранее продуктивность умственной деятельности казалась средневековому человечеству такой же низкой, как и продуктивность его сельскохозяйственной деятельности, то теперь ментальность, эмоции, поведение настраивались на новый лад. Эволюция проявлялась и в том, что в противовес аргументированию ссылками на авторитет все большее значение приобретала практика логического обоснования аргумента. Грамотность как необходимое условие участия в новых отношениях становится важнейшим фактором развития образования и науки.

С XI века в Европе работали университеты, первый – Болонский, откуда берет начало рецепция римского права в Западной Европе [7, с. 6]. К XIII в. их – 12, к XV – больше 40. В XVI-XVII вв. зародилась полноценная наука, в 1400 г. Краковский университет полностью перестраивается по образцу парижской Сорбонны, а инициатором выступил Владислав Ягелло – русин на три четвертых. Ничего подобного нет в Московии, а вот в ганзейском Новгороде жители грамотны практически поголовно, для них мистические способы богопознания неприемлемы.

В Западной Европе благодаря университетам реализуется идея о том, что «общество должно управляться правом и подчиняться нормам разума», [...]. Философы и юристы требовали, чтобы общественные отношения были основаны на праве и чтобы был положен конец режиму анархии и произвола, царившему в течение веков» [8, с. 33]. Поэтому, как полагает Рене Давид [8, с. 34], в университетах не акцентировали внимания на «практическом» праве, а рассматривали его как модель социальной организации. Не случайно национальное право начинает преподаваться лишь с XVII века (впервые в шведской Упсале с 1620 года), а до

этого бесспорно первостепенное значение имело изучение римского права. Во многом тот факт, что преподавание римского права было в чести в университетах [9, с. 31], оказывало использование схоластического метода, столь любимого в Средневековье.

Образование превратилось в необходимо-элементарную базу для карьеры и материального достатка, дальнейшего творческого и интеллектуального роста. Непригодная для реальной экономики латынь заменяется живыми языками, что стимулирует рост национального самосознания народов Европы. Данте Алигьери, написав в 1320 г. «*Божественную комедию*» на народном итальянском, вызвал тем самым гнев католических клерикалов. Еще ранее, в своем трактате 1305 г. «*De vulgari eloquentia*» («О народном красноречии») Данте осмелился констатировать очевидный факт: «Существует множество народных языков, и народный язык как язык естественный противостоит латыни, которая является примером универсальной, но искусственной грамматики» [10, с. 43]. Что интересно, отмечает Умберто Эко [10, с. 44], будучи апологией народного языка, этот трактат написан на латинском. Данте – поэт пишет на народном языке, но Данте – мыслитель, воспитанный на схоластической философии, и Данте – политик, питающий надежду на возвращение наднациональной империи, знает и использует язык, общий как для философии, так и для политики и международного права. Но пресловутый «вульгарный» (т.е. народный) язык – это язык горожан, торговцев, ремесленников, претендующих на свое место под солнцем.

Светский и экономически прогрессивный зарождающийся строй лишает феодалов и церковников возможности полностью контролировать информационные потоки и владеть монополией на сознание людей. Книгопечатание перевернуло все окончательно: «...изобретение печатного станка, без всякого сомнения, представляет собой настоящую демократическую революцию. Невозможно представить Реформацию и распространение Библии без печатного пресса» [11, с. 115]. До 1500 года было напечатано более 1000 книг в немецких типографиях, но к 1500 г. в Европе было уже более 1000 печатных станков.

Книга становится важнейшим атрибутом «нового ментального оснащения» [12, с. 417]. Как пишет А. М. Буровский [13, с. 502], через образование в университетах проходит все более значительное число молодых людей. Рациональное знание, рациональный подход к явлениям природы и жизни становится все более обычным. Но это было возможно в контексте городской культуры: «Городской дух реформирует великую религию раннего времени и устанавливает рядом со старинной сословной новую буржуазную религию – *свободную науку*» [14, с. 99]. В глазах же религиозного мистицизма, говорит К. Поппер [15, с. 281], наука представляет собой нечто вроде преступления, поскольку мистицизм избегает практики, заменяя ее созданием мифов.

Наука как новая форма общественного сознания обретает все больший авторитет, поэтому знание, ум, книжное учение – это очень важно. Даже Бога надо познать, как познается объект изучения в науке. Ученый, который изучает священные книги, – уважаемый и значительный человек. Ученый, который исследует материальный мир, постигает Господне творение, проникается пониманием его гармонии. Он тоже совершает богоугодное дело, познает Бога через одну из сторон его творения. Поэтому накапливать, систематизировать, передавать зна-

ние, работать с информацией, использовать ее во всех новых сферах жизни – дело благое и священное. Да, и раньше ученые-монахи занимались наукой в монастырях (тот же Роджер Бэкон), но такая деятельность не носила публичного характера, знание оставалось уделом особо посвященных, не работало на социум.

Это хорошо иллюстрируется на примере книги, которая приобретала утилитарное значение и перестала быть предметом сакральным. Надо очень хорошо себе представлять, что «университетская книга и книга монастырская – весьма отличны друг от друга. Нельзя, конечно, отрицать, что и в монастырях книга была инструментом культуры. Но монастырская книга, в том числе и в своей духовно-интеллектуальной функции, играла прежде всего роль сокровища. В отличие от этого университетская книга была инструментом познания» [12, с. 418].

Как полагает Жан-Клод Карьер, «XVI и даже уже XV век были в Европе временами весьма беспокойными, когда те, кого мы назвали бы сейчас интеллектуалами, поддерживали между собой постоянные эпистолярные отношения. Они переписывались на латыни. А книга в эти непростые времена – это предмет, который имеет хождение повсюду, без преград. Она является одним из средств сохранения знаний» [11, с. 116]. Благодаря венецианскому печатнику Альду Мануцио в XVI веке изобрели книгу карманного формата, и более эффективного способа перемещения информации с тех пор так и не было изобретено.

До изобретения книгопечатания книга была очень дорогой, что плохо воспринималось членами странствующих орденов, проповедовавшим практику бедности во всем. Все изменилось с распространением книгопечатания во всех цивилизованных землях Европы: «Оно удешевило книги; цена их сделалась еще доступнее небогатым людям, когда вместо пергамента стала употребляться для печатания бумага из льняных тряпок или из хлопка. Дешевизна книг распространила просвещение в небогатых сословиях, остававшихся прежде чуждыми ему. Духовная цензура, учрежденная в Кельне, Майнце, других городах и через некоторое время, по распоряжению папы, введенная везде, не могла остановить распространение знаний, производимое книгопечатанием. Почта, учрежденная в Германии Максимилианом, во Франции Людовиком XI, тоже помогала возникновению нового времени, облегчая письменный и личный обмен идей», – объясняет Георг Вебер [16, с. 204]. Что было ранее? По мнению А. Л. Ястребицкой [6, с. 19], единый язык средневекового богослужения и средневековой науки – латынь – облегчал перемещения богословов и священнослужителей, так же как единство обычаев господствующего класса способствовало передвижению рыцарей от одного феодального двора к другому.

Распространению грамотности способствовало завоевание мира европейцами, это была эпоха Великих географических открытий. Как выяснили колонизаторы, «грамотность была излишней и ненужной для подавляющей части населения земного шара во все времена, так как книги были редкостью, сосредоточенной в немногих физически удаленных от большинства людей местах. [...] После европейской экспансии неграмотность и невежество стали не естественным (и часто вынужденным) состоянием большинства, а делом индивидуального выбора» [17, с. 8]. Изолированные друг от друга цивилизации были сметены под европейским натиском.

Помимо вооруженных экспедиций важнейшую роль играло христианское миссионерство. Поэтому с XVI века даже католическая церковь осознала необходимость адаптации к новым условиям и уже крупными учеными своего времени были многие епископы и функционеры церкви, а практически все основатели духовных орденов и любых движений – тем более (например, иезуиты). Ученых монахов, преподававших в университетах, быстро дополнили ученые миряне, чьи занятия наукой уже, по крайней мере, не осуждались, а часто и поддерживались. По этому поводу уместен Ф. Ницше: «Современная наука имеет своей целью минимум страдания и максимум продолжительности жизни – т.е. своего рода вечное блаженство, правда весьма скромное по сравнению с обетованиями религий» [18, с. 310]. С XVI в. нерелигиозность перестает быть предосудительной.

В культурной среде латинского Средневековья происходят необратимые изменения: «В какой-то момент схоластика, будучи учением универсального католического государства (конституцией которого являются богословские суммы, энциклопедией – соборы, а столицей – Парижский университет), начинает понимать, что ей приходится считаться с народными языками; с формированием новых ересей; с новой экспериментальной и количественной наукой; с другими представлениями об индивидууме и обществе, о дозволенном и недозволенном, о счастье и грехе, об уверенности и тревоге, с новыми представлениями о прекрасном, безобразном и искусстве» [19, с.304]. Вместо богословия с его ангелами, дьяволами и Страшными судами формируется новое христианское мировоззрение, приближенное к земной реальности.

В православной Московии было иначе. Рациональное знание не священно, не осмысленно. Можно учиться – а можно и не учиться. Знание не священно, не свято. Ученость даже лишнее, потому что будит грех гордыни и мешает смиреннию духа. Философские труды не писались, опыты не ставились, идеи не оформлялись. Не люди были такие второсортные, система была мракобесной. Сколько русских людей прожили жизнь и умерли, даже не узнав, что они талантливые ученые? Всегда жаль бывает тех, кто имел шанс, но не воспользовался им. Но особенно жаль тех, у кого и не было шанса, кому его не дали. Не случайно из 16-ти дворянских детей, отправленных Борисом Годуновым учиться в Европу, не вернулся ни один. В непросвещенном обществе какие уж передовые политические и правовые взгляды, дикий деспотизм – облик общественного устройства. Но и в эпоху «мрачного средневековья» передовым людям Европы было не легче.

Отсюда понятны гонения на науку и ограничения распространения грамотности среди населения. Чем темнее и забитее народ, тем легче им управлять и манипулировать. Умышленное торможение научно-технического развития помогало правящим классам сохранять власть. Достаточно вспомнить, как по наущению феодалов церковники пытались запретить огнестрельное оружие, но впоследствии вооруженные им горожане уничтожали рыцарские замки, тем самым положив конец военной монополии феодальной элиты. В городах (оазисах передовой экономики), развиваются новейшие технологии и их неизменная спутница – фундаментальная наука. Все эти факторы в совокупности (торговля, урбанизация, пушки, ружья, книгопечатание, компас, морские суда новой конструкции,

наука) уничтожили феодализм и засилье католической церкви. Политически и экономически свободная личность выходит на первый план.

Ментально все перевернулось. Смиранный перед Богом, человек постепенно осознается как созданный по образу Божьему и по мере медленного овладения природой как микрокосм, отличный от животных: первым средневековым гуманизмом был романский, связанный с подъемом XI-XII вв. А ведь до этого слово «человек» часто имело значение «раб». Политический и теологический порядок подтачивается со всех сторон, на это потребовались целые века упорных усилий и вера в гуманизм вневременных ценностей.

Средневековая цивилизация исчерпала себя в связи с пробуждением национального сознания, использованием новых технологий, пробуждением нового мистического чувства, социальными волнениями, теоретическим сомнением. «Появление книгопечатания заключалось в легитимизации национальных европейских языков. Они очень быстро превратились из вульгарного средства общения людей друг с другом в средство общения с Богом. [...] люди стали думать на национальных языках, записывая свои мысли при помощи латинских букв, но не используя латынь [17, с. 83]. Социальные связи приобретают новую окраску. Особенно это заметно в сфере практических начинаний и усилий, где схоластика и «голое» теоретическое систематизирование не пригодны, а значение имеют упорный труд, талант, инициатива, риск и простое желание жить лучше.

Список использованных источников:

1. Никонов, А. П. Управление выбором. Искусство стрижки народных масс / А.П. Никонов. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2011. – 304 с.
2. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак. – пер. с англ. В.Г. Маргутика. – Мн.: «Лучи Софии», 1997. – 544 с.
3. Никонов, А.П. Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма / Александр Никонов. – 2-е изд., доп. – М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2011. – 536 с. – (Точка зрения).
4. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / В. Зомбарт. - пер. с нем. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 576 с.
5. Аннерс, Э. История европейского права (пер. со швед.). – М.: Наука, 1996. – 395 с.
6. Ястребицкая, А. Л. Западная Европа XI-XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм / А. Л. Ястребицкая. – М.: Искусство, 1978. – 176 с.
7. Томсинов, В. А. О сущности явления, называемого рецепцией римского права / В. А. Томсинов. // Вестник Московского университета. – 1998. – № 4. – С. 3-17.
8. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. – М.: Межд. отношения, 1996. – 400 с.
9. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Р. Леже; пер. с фр. [Грядов А.В.]. – 2-е изд. перераб. – М.: Волтерс Клувер. 2010. – 592 с.
10. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко; пер. с итал. и примечания А. Миролубовой. – СПб.: Александрия, 2009. – 423 с.
11. Жан-Клод, К., Эко, У. Не надейтесь избавиться от книг! / Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / Пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. – СПб.: «Симпозиум», 2010. – 336 с.

12. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург, Изд-во У-Фактория, 2005. – 560 с.
13. Буровский, А. Несбывшаяся Россия / А. Буровский. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
14. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примечание И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
15. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
16. Вебер, Г. Всеобщая история / Г. Вебер. – М.: Типография В. В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова, 1888. – 629 с.
17. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.
18. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т./ Ф. Ницше; сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Мысль, 1997. – Т.2. – 829 с.
19. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбелева. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.

УДК 070(662.1)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СМИ В МАЛИ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Ш.К. Сангаре,

преподаватель университета Бамако (Мали)

История формирования демократии и правового государства на африканском континенте имеет свои особенности. К сожалению, европейцы плохо представляют ту специфику утверждения демократии, которая характерна для стран Африки. Не является исключением в этом плане и Республика Мали. 26 марта 1991 года в ходе народного восстания, направленного против военной диктатуры Муссы Траоре, малийский народ ценой кровопролития пришел к демократии и многопартийности. Демократия, завоеванная ценой крови, долгое время вызывала гордость малийцев и разительно отличала республику от других африканских государств, ставших настоящими изгоями из-за недостатка демократии и бесконечных политических кризисов.

Вместе с тем, не имея глубоких традиций развития демократического общества, многим странам Африки необходимо ещё пройти большой путь, прежде чем все граждане страны привыкнут к новым социально-политическим условиям и смогут в полной мере реализовывать свои гражданские права. Но пока до этого далеко. И мы должны констатировать, что у демократии в Мали, как и во многих иных странах Африки, существует много преград, среди которых бедность, низкий уровень грамотности (около 30 %), оторванность политической элиты от основных масс населения, высокий уровень недоверия к власти, сохранение традиционных институтов власти ментальная неготовность воспринять новую идеологию и т.д.